

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.6>

Новикова Альбина Алексеевна, Головнёва Юлия Владимировна

Особенности образной и композиционной структуры рассказа А. П. Чехова "Новая дача"

Цель исследования - выявить основные принципы сюжетно-композиционного построения рассказа А. П. Чехова "Новая дача", рассмотреть своеобразие внутреннего мира чеховских героев, художественную структуру рассказа, описать отношение "маленького человека" и человека вообще к жизненным и нравственным ценностям. Научная новизна исследования заключается в своеобразной интерпретации сюжетно-композиционных приёмов, а также языковых и стилевых особенностей рассказа. Впервые дан целостный анализ произведения посредством описательного и текстологического анализа, обусловленного спецификой системы образов и поэтики повествования. В результате была выявлена авторская позиция Чехова в направлении художественного новаторства в рассказе "Новая дача", определены особенности художественной организации текста в реализации композиционных приёмов в повествовании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 38-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

18. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест // Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 290-392.
19. Трапезникова О. А. Еще раз об образе автора и его смысловых коррелятах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 122-125.
20. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 225 с.
21. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 70-82.
22. Федосеева Т. В. О литературной антропологии и антропоцентризме современного литературоведения // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 72-82.
23. Шаликов П. И. Другое путешествие в Малороссию. М.: Унив. тип., у Любиа, Гария и Попова, 1804. 262 с.
24. Шаликов П. И. Путешествие в Малороссию // Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / сост., авт. вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 516-571.
25. Широкова И. А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. С. 103-106.
26. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славян. культуры, 2003. 311 с.

Subjective Structure of Travel Texts: Attempt of Analysing Sentimental Journeys of the End of the XVIII – the Beginning of the XIX Century

Kublitskaya Olga Viktorovna, PhD
Pushkin Leningrad State University
o.kublitskaya@lengu.ru

The paper aims to examine narrative instances and corresponding elements of the subjective structure of sentimental journeys of the end of the XVIII – the beginning of the XIX century (works of the Karamzinists V. V. Izmailov, P. I. Sumarokov, P. I. Shalikov). Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time provides a narratological analysis of the Russian sentimental prose, which has not been previously investigated from this viewpoint. The research findings are as follows: relying on the narrative instances conception, the researcher clarifies specificity of subjective structure of sentimental journeys and shows how practices of their verbal self-presentation influenced development of the travel prose.

Key words and phrases: V. V. Izmailov; P. I. Sumarokov; P. I. Shalikov; subjective structure; narrative instances; travel prose; sentimentalism.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.6>

Дата поступления рукописи: 08.07.2020

Цель исследования – выявить основные принципы сюжетно-композиционного построения рассказа А. П. Чехова «Новая дача», рассмотреть своеобразие внутреннего мира чеховских героев, художественную структуру рассказа, описать отношение «маленького человека» и человека вообще к жизненным и нравственным ценностям. **Научная новизна** исследования заключается в своеобразии интерпретации сюжетно-композиционных приёмов, а также языковых и стилевых особенностей рассказа. Впервые дан целостный анализ произведения посредством описательного и текстологического анализа, обусловленного спецификой системы образов и поэтики повествования. **В результате** была выявлена авторская позиция Чехова в направлении художественного новаторства в рассказе «Новая дача», определены особенности художественной организации текста в реализации композиционных приёмов в повествовании.

Ключевые слова и фразы: Чехов; рассказ; сюжет; композиция; изобразительно-выразительные средства; язык и стиль.

Новикова Альбина Алексеевна, к. филол. н., доц.

Головнёва Юлия Владимировна, к. филол. н., доц.

Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске (Школа педагогики)

novikalex.49@mail.ru; golovnyova@mail.ru

Особенности образной и композиционной структуры рассказа А. П. Чехова «Новая дача»

1880-90-е годы занимают значительное место в истории общественной жизни России, повлияв практически и на все формы развития литературы. Особенности этого времени нашли отражение в творчестве русских писателей старшего поколения (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович и другие). Современники А. П. Чехова начинали по-новому осмысливать характер этой эпохи. Вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» были заданы ещё А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским в своих романах в середине XIX века, и А. П. Чехов, уже известный к тому времени автор маленьких рассказов, обратился в своём творчестве к раскрытию насущных вопросов современной ему

действительности. Вслед за Чеховым к поискам ответов на эти вопросы обратились и другие писатели чеховской поры – В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, И. Н. Потапенко, И. Л. Леонтьев (Щеглов), для которых неудовлетворенность современным состоянием жизни России долгое время оставалась одной из главных тем их творчества, определяющих облик прозы 1880-90-х годов.

Актуальность темы исследования определяется её историко-литературной значимостью и обусловлена вниманием современных литературоведов к творчеству А. П. Чехова, в частности к его рассказам 1880-90-х годов. Предметом исследования являются новые художественные средства изобразительности в его малой прозе, новые приёмы его поэтики, в частности в рассказе «Новая дача», который входит в его деревенскую трилогию и обычно рассматривается вместе с повестями «Мужики» и «В овраге».

Однако сегодня литературоведами и лингвистами недостаточно исследована проблематика рассказа «Новая дача», не раскрыты основные композиционные приёмы и мотивы поступков героев, не выявлены художественные особенности языка и стиля повествования.

В связи с поставленной целью в статье необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить особенности художественной организации текста рассказа; 2) дать типы героев и их характеров; 3) определить особенности реализации композиционных приёмов в повествовании; 4) выделить элементы речевой организации в рассказе «Новая дача».

При анализе использованы следующие **методы исследования**: описательный, структурно-семантический и текстологический, с помощью которых определяется отношение писателя к жизненным и нравственным ценностям в конце XIX века.

Теоретической базой исследования послужили научные труды чеховедов о творческой эволюции писателя данного периода. В разработку формирования творческого метода писателя внесли свой вклад Г. А. Бялый, М. О. Горячева, В. Б. Катаев, А. П. Кузичева. О Чехове писали такие учёные, как Г. П. Бердников, В. В. Ермилов, М. Л. Семанова, И. Н. Сухих, Л. П. Громов, В. Я. Линков, А. П. Чудаков. Исследованию своеобразия его произведений посвящен ряд научных статей, учебных пособий, диссертаций (А. Б. Есин, И. Ф. Волков, О. М. Моргулёва, В. Л. Паркачёва и другие). В частности, многими из них отмечалось, что в 1880-90-е годы Чехов по-новому интерпретирует традиционные темы русского чиновничества, «маленького человека», одновременно пытаясь найти и новые пути для своих героев – представителей русской интеллигенции.

Практическая значимость: результаты данного исследования могут быть использованы в практике вузовского и школьного преподавания по истории русской литературы последней трети XIX века, а также при анализе рассказов А. П. Чехова для более глубокого понимания его мировоззренческой позиции в конце 1880-х годов.

Достижением отечественного литературоведения начала XXI века является значительный по своему содержанию труд В. Б. Катаева «Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники» (2004). В. Б. Катаев выделил специфическую модель группы «скромных беллетристов» и задачи дальнейшего изучения их творческих взаимоотношений [5, с. 208], существенно дополнив свои наблюдения над процессами самосознания личности, поисками ответа на вопрос «кто виноват?». Он заключил при этом, что «в 1880-е годы не один Толстой – вся русская литература начинала переход на новые пути, направление которых станет ясным позднее, на рубеже столетий» [Там же, с. 207].

Можно констатировать, что Чехов и писатели этого периода поднимали в своих произведениях как социальные, так и духовно-нравственные вопросы. По утверждению И. Ф. Волкова, «основное внимание они обращали, в отличие от писателей “натуральной школы”, не только на социальные условия жизни народа, но и на “самоценные” человеческие характеры, на духовное богатство личности, на достоинство человека в единстве с конкретно-чувственной неповторимостью индивидуального бытия» [3]. И. Ф. Волков считал, что в рассказах Чехова преобладают «нравоописательные характеры», что «акцент делается на ограниченности, серости, монотонности повседневной жизни людей», что «под застывшим однообразием человеческого бытия в его творчестве последнего периода ощущается скрытое от прямого восприятия “подводное” течение, созвучное самым глубинным процессам исторического развития» [Там же].

Как считает Г. А. Бялый, «в русской прозе 1870-х годов обнаруживаются серьёзные стилевые и жанровые сдвиги» [2, с. 5]. При этом он подчёркивает, что «особенно они ощутимы вполне определённо в 1880-е годы, когда молодые писатели, вступающие в литературу в это время, осознают “свою новую историческую миссию”, ощущают “границы”, отделяющие их от мастеров старого русского реализма» [Там же].

По утверждению О. М. Моргулёвой, «в произведениях Чехова исследуемого периода обнаруживается тенденция к объективности повествования и авторской отстранённости» [6]. Она выделила новые черты художественности его произведений: во-первых, писатель стремится «избежать субъективизма, назидательности»; во-вторых, он «не оценивает предметы и явления изображаемого мира, а лишь показывает их, что проявляется большей частью в речевом оформлении образа автора»; в-третьих, они закрепляются «в системе повествовательных категорий автора-повествователя-персонажа, их взаимодействии в художественном целом» [Там же].

На наш взгляд, важно учитывать, что в литературном процессе данного периода заметно «стремление писателей к художественному синтезу слияния социального и психологического, романтического, натуралистического и реалистического начал, показу нового отношения к жизни простого народа и русской интеллигенции» [8, р. 39-44]. Вполне справедлива в этом случае точка зрения И. Ф. Волкова, который назвал нарождающееся новое направление в литературе – «психологически утверждающий реализм» [3]. И Чехова можно назвать глубоким писателем-реалистом, психологом, создавшим целую галерею типов своих героев, несмотря на некоторую незавершённость их жизненного пути.

Итак, «Новая дача» впервые была опубликована в газете «Русские ведомости» в 1899 году (№ 3, 3 января, с подзаголовком «Рассказ»). Какую же реакцию вызвало новое произведение писателя? В «Примечаниях» к собранию сочинений А. П. Чехова в 15 т. (Т. 11) О. Дорофеев пишет: «Изображение крестьянской жизни в рассказе “Новая дача” не понравилось Льву Толстому. Д. П. Маковицкий 26 мая 1905 г. отметил в своих “Яснополянских записках” слова Толстого: “Мужики” Чехова – плохое произведение. Чехов колеблется, “Новая дача – прямо отвратительна”» [12, с. 361]. Также в Примечаниях к рассказу О. Дорофеев указывает на высокую оценку, данную М. Горьким чеховскому «крестьянскому циклу»: «В художественной литературе первый сказал о мужике веское слово В. Г. Короленко в рассказе “Река играет”, а затем А. П. Чехов написал один за другим три замечательных рассказа: “Мужики”, “Новая дача” и “В овраге”, – его рассказы были приняты народнически верующей публикой враждебно, как хула на мужиков» [Там же]. Согласимся с мнением М. Горького, который в своё время в письме после 5 января 1900 г. высоко оценил художественное мастерство А. П. Чехова: «Рассказы Ваши – изящно огранённые флаконы со всеми запахами жизни в них, и – уж поверьте! Чуткий нос всегда поймает среди них тот тонкий, едкий и здоровый запах “настоящего”, действительно ценного и нужного, который всегда есть во всяком Вашем флаконе» [Цит. по: 7, с. 74].

Однако следует учесть, что в конце 1890-х годов в стране была напряжённая обстановка, это было время идейного бездорожья Чехова и одновременно время его творческого взросления, переход к новой манере письма в отличие от рассказов-сценок начала восьмидесятых. Об идейных и творческих исканиях писателя в эти переломные годы писал Г. П. Бердников, указывая, что «прежде всего Чехов стремится привести свои взгляды в систему, чётко и ясно сформулировать основные положения своего мировоззрения» [1, с. 99]. Но не всегда удавалось ему «сформулировать свой положительный идеал» [Там же]. И в рассказе «Новая дача» эти попытки весьма заметны: показать жизнь крестьянства и господствующего класса 1880-х годов, но положительного идеала ещё нет. Объективность, с которой автор исследует состояние социальной и нравственной морали общества, свидетельствует о стремлении Чехова преодолеть собственные противоречия в душе, уделяя внимание путям и формам выражения авторского сознания, ответственности за судьбу народа. В произведениях последней трети XIX века Чехова характеризует единство художественных принципов, главным из которых, по определению В. Л. Паркачёвой, «является “субъективная манера” повествования, когда автор выступает как беспристрастный свидетель, а не судия» [10].

Для того чтобы выделить эти формы, необходимо обозначить систему «сквозных» сюжетных мотивов рассказа, приёмов композиционного построения рассказа, найти «средства лексической изобразительности и интонационно-синтаксической выразительности слова в их прямых значениях» [9, с. 56-57].

В связи с поставленными задачами обратимся к теоретическому понятию композиции литературного произведения и её функциональным особенностям, определённым А. Б. Есиным. Он считает, что «в широком смысле слова композиция – это структура художественной формы, и первая её функция – “держать” элементы целого, делать целое из отдельных частей; без обдуманной и осмысленной композиции невозможно создать полноценное художественное произведение» [4, с. 127]. При этом он указывает и на вторую функцию композиции, которая выделяется «самим расположением и соотношением образов произведения выражать некоторый художественный смысл» [Там же, с. 128]. А. Б. Есин выделил четыре основных композиционных приёма: повтор, усиление, противопоставление и монтаж. Одним из значительных приёмов композиции является повтор, придающий художественному произведению особую «композиционную стройность», так называемая «кольцевая композиция», когда «устанавливается композиционная переключка между началом и концом произведения» [Там же]. Именно такая «кольцевая композиция», на наш взгляд, определяет и особый художественный строй, и композиционную структуру повествования рассказа А. П. Чехова «Новая дача», что означает «переключку между началом и концом произведения».

Рассказ начинается с краткого описания деревни и живущих в ней крестьян: «В трёх верстах от деревни Обручановой строился громадный мост. Из деревни, стоявшей высоко на крутом берегу, был виден его решётчатый остов, и в туманную погоду, и в тихие зимние дни, когда его тонкие железные стропила и все леса кругом были покрыты инеем, он представлял живописную и даже фантастическую картину» [12, с. 61]. На фоне этой картины очень скоро перед нами появляются и жители самой деревни.

Знакомство с главными и второстепенными героями начинается с их характеристики: это и сам Кучеров, «строитель моста, полный, плечистый, бородатый мужчина в мягкой, помятой фуражке»; это и босяки, «работавшие на мосту», «просили милостыню, смеялись над бабами и, случалось, уносили что-нибудь» [Там же]. Чехов констатирует, что «и только по вечерам, когда около моста светились костры, ветер слабо доносил песню босяков. И днём иногда слышался печальный металлический звук: дон... дон... дон...» [Там же]. Это и ироничный по характеру Козов, «высокий худой старик, с длинной узкой бородой, с палкой крючком; он всё подмигивал своими хитрыми глазами и насмешливо улыбался, как будто знал что-то» [Там же, с. 62]. И жил он «скудно», и не работал из-за какой-то болезни. Это и кузнец Родион Петров, «человек мягкий, добрый», но иногда не понимающий своего барина.

Из крестьянских типов деревни Обручановой особо следует выделить кузнеца Родиона Петрова, его жену Степаниду, имеющих многочисленных детей и внуков; затем смутьяны Лычковы, отец и сын, «оба безбородые с рождения, с опухшими лицами и без шапок» [Там же]. Остальные крестьяне дополняли эту группу героев, составляя «толпу», принимающую участие во всех событиях, происходящих в усадьбе и в деревне. Следует отметить, что через весь рассказ проходит мотив невыразимой тоски и скуки обывательской жизни крестьян, их желания что-либо изменить в своей судьбе, словно всё их существование было покрыто сплошным туманом.

Основной мотив – строительство моста инженером Кучеровым – дополняется новыми смыслообразующими элементами сюжетной организации рассказа (речевой, портретный, пейзажный, мировоззренческий и др.). Мост – это средоточие всех страстей, разгорающихся между крестьянами, одновременно являющийся местом действия многих событий: он и объединяет, он и разъединяет мужиков между собой.

Дача, которую попросила построить приехавшая к мужу жена Кучерова Елена Ивановна, так привлекла её замечательным пейзажем, что она захотела жить на этой земле вдаль от городской суеты. Чехов пишет: «Ей понравились берега реки и роскошный вид на зелёную долину с деревушками, церквями, стадами...» [Там же, с. 61].

Временной промежуток, когда была построена дача, охватывает три месяца, «зимой сажали большие деревья», а весной «всё зазеленело кругом», «были уже аллеи, садовник и двое рабочих в белых фартуках копались около дома, бил фонтанчик, и зеркальный шар горел так ярко, что было больно смотреть» [Там же, с. 62]. Дали название этой усадьбе: Новая дача.

А далее месяцы сменяют друг друга: май («это было в навозницу», время вывозки навоза в поля для удобрения); лето (покос, сбор грибов); начало осени, когда «на Воздвиженье, 14 сентября» в имении происходит возмутительный эпизод, после которого инженер решает продать дачу, и в конце рассказа – снова ранняя весна. Но имение уже принадлежит другому человеку, какому-то чиновнику, который лишь «в праздники приезжает из города с семейством», и крестьяне уже привыкли к мосту, который их сначала раздражал. В жизни жителей деревни Обручановой всё повторяется, но ничего не изменяется. И вновь внимание привлекают герои рассказа. С одной стороны, это семья Кучеровых, богатые люди, помещики, которые, по словам барского кучера, «не будут ни пахать, ни сеять, а будут только жить в своё довольствие, жить только для того, чтобы дышать чистым воздухом» [Там же]. И сам кучер, «куривший папиросы», смотрел с презрением на Козова и остальных. С другой стороны, это нищие крестьяне, с недоверием относившиеся к «господам». Как любил повторять Козов, «насмешливо подмигивая»: «То-оже помещики! Дом построили, лошадей завели, а самим небось есть нечего. То-оже помещики!» [Там же]. Э. А. Полоцкая, анализируя другие рассказы Чехова, называет такой приём «лексически выраженной иронией» [11, с. 443], поэтому ирония не лишена авторской объективности и проявится в речи Родиона после разговора с Кучеровым.

Повествовательная структура рассказа стала в дальнейшем определяющей и на сюжетно-композиционном уровне, и на речевом. Как отметил в своём труде «Поэтика Чехова» А. П. Чудаков, «описать взаимоотношения повествователя и речи персонажей (или вообще чужой речи), включённой в повествование, – это и значит установить речевую структуру данного повествования» [13, с. 6].

Сюжетную мотивацию рассказу придаёт речь героев, раскрывающая их внутреннее беспокойство, душевную неуравновешенность, эмоциональные всплески. Характерные особенности речевых повторов проявляются в монологах инженера Кучерова и его жены Елены Ивановны, а также в речи старика Козова, кузнеца Родиона Петрова, Володьки. Сам Кучеров в своём обращении при встрече с толпой попытался защитить свою жену, объяснить *добрые* её поступки, жалость к бедным детям и старикам. С некоей просительной интонацией он говорил: «Я и жена изо всех сил стараемся жить с вами в мире и согласии, мы помогаем крестьянам как можем. Жена моя *добрая*, сердечная женщина, она не отказывает в помощи, это её мечта быть полезной вам и вашим детям. Вы же за *добро* платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам то же монетою» [12, с. 65]. Но Родион, который понимал то, что ему говорили, «не так, как нужно, а всегда как-то по-своему», рассказывал мужикам, истолковав слова барина в прямом значении: «Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...» (и предложил собрать деньги в благодарность барину, но мужики отказались) [Там же].

Подобная комическая ситуация повторится, когда Родион неправильно поймёт и просьбу Кучерова, чтобы деревенские девушки не собирали грибов у него в парке. Обращаясь однажды к мужикам, хозяин говорил: «Проси вас или не проси – это всё равно. Просьба, и ласки, и убеждение, вижу, всё бесполезно. <...> Кончится, вероятно, тем, что мы будем вас презирать» [Там же, с. 71]. Родион и эти слова воспринял по-своему, рассказывая своей жене о встрече с хозяином дачи: «Да... Девоч чуть свет видел... Отчего, говорит, грибов не несут... жене, говорит, и детям. А потом глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя призирать буду... Господа добрые, простоватые... “призирать будем...” – при всех обещал» [Там же, с. 72]. Однако повтор речевых ситуаций лишает героя комизма и раскрывает, скорее всего, индивидуализацию характера Родиона. Заметим, что Э. А. Полоцкая, рассматривая внутреннюю иронию в рассказах и повестях Чехова, которая входит в его поэтику с середины 1880-х годов, назвала этот приём «иронической формой изложения», что создаёт, по её мнению, «юмористический эффект», и «смешной становится та ситуация, в которую попадают люди» [11, с. 443].

Противопоставление – ещё один композиционный приём, особенность которого проявляется во внутренней неустойчивости и колебаниях инженера Кучерова по отношению к мужикам, в переменах настроения его характера. Если в первой части повествования у хозяина были попытки наладить взаимоотношения с мужиками, *по-доброму* решать с ними все конфликтные ситуации, жить с соседями в мире и согласии, то во второй части он резко изменился внутренне. Он «стал раздражителен, мелочен и в каждом пустяке уже видел кражу или покусение...»; а вскоре в деревне «даже начался ропот» [12, с. 71]. И при встрече с толпой, «глядя сердито то на одного, то на другого», говорил, что «к ним невозможно относиться как к равным» [Там же].

В обращении Кучерова к крестьянам содержится, на наш взгляд, главный сюжетный стержень рассказа, раскрывающий идейно-нравственную позицию барина по отношению к крестьянам. Он создаётся за счёт приёма усиления душевного состояния хозяина дачи, выраженного, во-первых, подбором синонимического ряда («добрая», «за добро», «по-доброму») и однородных художественных деталей, характеризующих жену

Кучерова («сердечная», «мягкая», «по-человечески»). Во-вторых, о негативном его отношении к крестьянам в данный период свидетельствуют такие речевые обороты, как «негодующий взгляд», «мы будем вас презирать», «сдерживая свой гнев» [Там же].

Описывая жизнь крестьян, Чехов не старался смягчить их отношение неким недоверием к «господам». Объективная ситуация повторяется в конце рассказа: новая дача давно продана, появился новый владелец усадьбы, ничего в деревне Обручановой не изменилось. Однако вновь возникает образ моста, словно замыкающий цепочку рассуждений крестьян о своей жизни, в которой ничего нового не появилось с тех пор, как уехала семья Кучеровых, кроме моста. Чехов писал: «...только к мосту давно пригляделись, и уже трудно было представить себе реку на этом месте без моста», «про босяков забыли, и вместо “Дубинушки” слышится теперь почти каждый час шум проходящего поезда» [Там же, с. 73].

Новый хозяин дачи, состоявший только в чине коллежского секретаря, редко появлялся с семейством в деревне и не признавал мужиков. И как заключительный момент: «Да ещё в Обручанове все постарели; Козов уже умер, у Родиона в избе стало детей ещё больше, у Володьки выросла длинная рыжая борода. Живут по-прежнему бедно» [Там же].

Такой серой беспросветной жизни бедных крестьян Чехов противопоставил тянущуюся к новой жизни природу: только «в кустах по берегу поют соловьи, в небе заливаются жаворонки. На Новой даче тихо, нет ни души, и только золотые голуби, золотые оттого, что их освещает солнце, летают над домом» [Там же]. Всем – и Родиону, и обоим Лычковым, и Володьке – остались одни воспоминания: «И всего этого точно не было. Всё, как сон или сказка» [Там же].

На такой, казалось бы, тихой ноте заканчивается рассказ: «Они идут нога за ногу, утомлённые, и думают...» [Там же]. Думают о том, «почему же они не ужились и разошлись, как враги» [Там же, с. 74]. Но отношения крестьян с семьёй инженера остались недопонятыми до последнего: благородные устремления Елены Ивановны *творить добро* для крестьян, построить для них школу – не увенчались успехом. И только одно желание остаётся у барыни (бывшей гувернантки) после неудавшейся благородной миссии помогать бедным – уехать в Москву.

Вновь возникают справедливые вопросы, которые автор задаёт в итоге. А живописно-фантастическое описание тумана заменяется другим значением, заключающим рассказ: «Что это был за туман, который застилал от глаз самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и все эти мелочи, которые теперь при воспоминании кажутся таким вздором?» [Там же]. Можно сказать, что образ тумана символичен: туман в природе (как природное явление) и туман в глазах людей, которые решительно не знали, что делать дальше: «– Жили без моста... – говорит Володька мрачно. – Жили мы без моста и не просили... и не надо нам» [Там же]. Именно так думали обручановские мужики, но ответа на этот вопрос они не знали («и идут дальше молча, понури́в головы»). Не знал ответа на этот вопрос и сам Чехов, поэтому финал рассказа остался открытым, недоговорённым.

При помощи сюжетно-композиционных приёмов Чехов постепенно раскрывает в рассказе феномен непонимания между простым народом и, казалось бы, добрыми, но неспособными наладить отношения с народом образованными людьми. Писателю удалось создать атмосферу времени, скрыв свой авторский голос за голосами своих героев. Изображение в рассказе провинциальной, серой жизни деревни, в которой жили крестьяне, дано по-чеховски лаконично, скупое, но выразительно, не утратило своей значимости и художественности до сих пор.

Таким образом, в результате исследования были сделаны следующие **выводы**:

1. На основе проведённого анализа литературной ситуации 1880-90-х годов была выявлена авторская позиция Чехова в направлении художественного новаторства в рассказе «Новая дача».

2. Новые черты творческого метода проявились в психологизации героев и их характеров, в отсутствии эффектных сцен, излишней сентиментальности, что наиболее отчётливо сказалось на тревожности крестьян и господ в ожидании неясного будущего.

3. В результате анализа рассказа обоснованы система художественно-изобразительных средств, выразительности языка (краткость, стиль, речевая характеристика), внешний бытовой конфликт, переходящий в конфликт внутренний, подтекст и открытый финал.

4. Определены особенности художественной организации текста в реализации композиционных приёмов в повествовании.

Можно говорить о том, что в настоящее время современные исследователи должны продолжать изучать литературное наследие А. П. Чехова, художественное своеобразие его произведений, так как остаётся ещё много нерешённых проблем, связанных с **дальнейшим выявлением** всё новых и новых граней его мастерства.

Список источников

1. Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеи и творческие искания. Изд-е 3-е, дораб. М.: Худож. лит., 1984. 511 с.
2. Бялый Г. А. Русская проза второй половины XIX века. Л.: Наука, 1973. 295 с.
3. Волков И. Ф. Теория литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://topuch.ru/uchebnoe-posobie-dlya-studentov-i-prepodavatelej-moskva--prosv/index23.html#pages> (дата обращения: 10.05.2020).
4. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: Флинта; Наука, 1999. 248 с.

5. Катаев В. Б. Натурализм на фоне реализма // Катаев В. Б. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 205-241.
6. Моргулёва О. М. Формы авторского повествования в прозе Чехова конца 80-х – 900-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/formy-avtorskogo-povestvovaniya-v-proze-ap-chekhova-kontsa-80-kh-900-kh-gg.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).
7. Новикова А. А. А. М. Горький и А. П. Чехов // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития – 2014: материалы Международной научно-практической интернет-конференции. Одесса, 2014. Вып. 3 (36). Т. 20. Философия и филология. С. 68-76.
8. Новикова А. А. Идеальный герой в представлении И. Н. Потапенко (по роману «Не герой») // International Scientific and Practical Conference “World Science”. 2016. Vol. 5. № 9 (13). P. 39-44.
9. Новикова А. А. Изучаем русскую литературу. А. П. Чехов (из опыта работы с иностранными студентами) // Русский язык и литература в пространстве АТР и стран Юго-Восточной Азии: сборник научных трудов по материалам Международного научного форума. Тайвань: Издательство факультета русского языка и литературы ТКУ, 2017. № 2. С. 55-65.
10. Паркачёва В. Л. Проза А. П. Чехова 1888-1904 годов (проблема парадоксального авторского мышления) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/proza-a-p-chehova-1888-1904-godov.html> (дата обращения: 12.07.2020).
11. Полоцкая Э. А. Внутренняя ирония в рассказах и повестях Чехова // Мастерство русских классиков: сборник статей. М.: Советский писатель, 1969. С. 438-492.
12. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 15-ти т. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 11. Рассказы 1896-1903. Статьи, рецензии, заметки. 383 с.
13. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.

Specificity of Figurative and Compositional Arrangement of A. P. Chekhov's Story “The New Villa”

Novikova Albina Alekseevna, PhD
Golovnyova Yuliya Vladimirovna, PhD
The Far Eastern Federal University, Ussuriysk
novikalex.49@mail.ru; golovnyova@mail.ru

The research objectives are as follows: to reveal the basic principles of the storyline and compositional arrangement of A. P. Chekhov's story “The New Villa”, to examine the personages' inner world, to analyse the story artistic structure, to describe a common man's (and universal human) perception of vital and moral values. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers suggest their own interpretation of the storyline and compositional techniques, linguistic and style peculiarities of the story. For the first time Chekhov's story is subjected to a comprehensive descriptive and textological analysis, relevance of which is conditioned by specificity of the image system and narrative poetics. As a result Chekhov's authorial position relating to artistic innovation in the story “The New Villa” was revealed, peculiarities of the text artistic organization in compositional techniques realization in narration were determined.

Key words and phrases: A. P. Chekhov; story; plot; composition; figurative expressive means; language and style.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.7>

Дата поступления рукописи: 06.08.2020

Целью исследования является анализ жанровых особенностей лирического цикла путешествий в современной отечественной поэзии на примере творчества Е. Шварц. *Научная новизна* состоит в том, что впервые осмысливаются характер репрезентации путешествия и образ путешественника по конкретному географическому маршруту в поэзии Е. Шварц. *Полученные результаты* показали, что жанровые формы цикла путешествий дают возможность всесторонне представить не только образ конкретной страны, передать её культурную атмосферу, географические особенности, но и репрезентовать внутренние переживания лирического героя (героини), представить его мировидение как целостную художественную систему. Установлено, что лирические циклы путешествий Е. Шварц демонстрируют жанровый синтез черт цикла путешествий и философского цикла.

Ключевые слова и фразы: Елена Шварц; лирический герой; лирический цикл путешествия; жанровый синтез.

Самойленко Виктория Александровна

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск
samojlenko.viktoria@yandex.ru

Жанровые особенности лирического цикла путешествий (на материале творчества Е. Шварц)

Современная отечественная поэзия отчётливо демонстрирует тяготение к крупным жанровым формам (поэма, лирический цикл, книга стихов), в которых наблюдается жанровый синтез нескольких поэтических форм. В связи с этим особый исследовательский интерес вызывают проблема художественной циклизации и связанный